

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕПОРТАЦИЙ НА КАВКАЗЕ

(отв. редакторы специальной темы номера –
Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Шагоян)

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/7

Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера

Гаяне Арутюновна Шагоян¹
Эльза-Баир Мацаковна Гучинова²

¹ Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения, gayashag@yahoo.com

² Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, bairjan@mail.ru

Аннотация. В вводной статье к специальной теме номера «Языки описания национальных депортаций на Кавказе» рассматриваются проблемы изучения советских депортаций на этнической основе. В нее включены три статьи, посвященные трем различным кейсам. Э.-Б.М. Гучинова показывает, как депортация калмыков отражается в документах НКВД и партийных органов на местах спецпоселений, в нарративах о депортации и народных песнях, а также в памяти поколения, рожденного после возвращения из Сибири. В. Танайлова раскрывает специфику памяти чеченского общества и то, как язык описания постсоветских военных действий в Чечне повлиял на язык описания депортации 1944 г. П. Тахнаева, опираясь на архивные материалы, развенчивает мифологизированный сюжет спасения народов Дагестана от запланированной депортации и раскрывает причины социального запроса на такой сюжет в контексте ревизии национальных историй 1990-х гг. Авторы разбираются в том, какие термины стали ключевыми при изучении различных национальных депортаций и почему. Так как национальные депортации обычно определяются как геноцидальные кейсы, вводная статья подробнее рассматривает проблему разночтений этого понятия в зависимости от контекста: антропологического, юридического, мемориального.

Ключевые слова: депортация калмыков, депортация чеченцев, Дагестан, геноцид, репрессии, языки описания, память, термины, тезаурус

Для цитирования: Шагоян Г.А., Гучинова Э.-Б.М. Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 134–143. doi: 10.17223/2312461X/42/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/7

Languages for Describing National Deportations in the Caucasus. Introduction to the Special Theme of the Issue

Gayane A. Shagoyan¹, Elza-Bair M. Guchinova²

¹ *Institute of Archeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences,
Yerevan, Armenia, gayashag@yahoo.com*

² *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, bairjan@mail.ru*

Abstract. The introductory article to the compilation "Languages of Describing National Deportations in the Caucasus" discusses the challenges of studying Soviet deportations on an ethnic basis. The compilation consists of three articles dedicated to three different cases: how the deportation of the Kalmyks is reflected in the documents of the NKVD and party bodies at the sites of special deportations, in narratives about the deportation and in folk songs, as well as in the memory of the generation born after the return from Siberia. V. Tanaylova demonstrates the specificity of Chechen social memory and how the language of post-Soviet military actions in the Chechen Republic influenced the language used to describe the 1944 deportation. Drawing on archival materials, P. Takhnayeva dispels the mythologized narrative of the rescue of the peoples of Dagestan from planned deportation and reveals the reasons for the social demand for such a narrative in the context of the revision of national histories in 1990s. The authors examine which terms have become key in the study of various national deportations and why. Since national deportations are usually defined as genocidal cases, the introductory article takes a closer look at the issue of the variation of this notion depending on the context: anthropological, legal, and memorial.

Keywords: Deportation of Kalmyks, deportation of Chechens, Dagestan, genocide, repressions, languages of description, memory, terms, thesaurus

For citation: Shagoyan, G.A. & Guchinova, E.-B.M. (2023) Languages for Describing National Deportations in the Caucasus. Introduction to the Special Theme of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 134–143. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/7

История насильственных массовых переселений в СССР стала предметом целенаправленных научных исследований в самом начале 1990-х гг., после того как открылись архивы и появились публикации документов той эпохи. Исследования 1990-х гг. были направлены на разоблачение КПСС и всей эпохи сталинизма, акцентируя несправедливость репрессий и жестокость власти. Появление долгожданных публикаций в 1990-е гг. и сопутствующего «чувства исторической справедливости» часто удовлетворяли исследователей, которым было важнее сделать доступными документы, нежели анализировать их, писать «вширь», а не «вглубь».

Однако период открытого доступа завершился с изменением исторической политики в России, которая была названа доктриной тотальной

преимущества (Малинова 2015: 70–71; Эппле 2020: 69). Сегодня академический ракурс меняется, исследователи ограничены опубликованными документами и опираются на устные истории, публикации воспоминаний, семейных архивов в основном 1990-х гг. Научные интересы стали ориентироваться на повседневные практики, стратегии адаптации и благодарную память. Но изучение этого периода у разных народов неравномерно, в некоторых сообществах и поныне нет серьезных публикаций, что говорит о продолжающемся посттравматическом эффекте. С целью обсудить эти проблемы в рамках XV Конгресса антропологов и этнологов России была проведена секция «Антропология массовых депортаций в СССР: проблематизация тезауруса», где было заявлено около 20 выступлений, что само по себе говорит о том, насколько проблема актуальна в научном сообществе. В подборку данного журнала из этих выступлений мы отобрали работы, которые поднимают проблему языка описания массовых депортаций не только и не столько в момент самой депортации, а ее восприятие и изменение языка описания или даже фактологической линейки в контексте формирования более поздних нарративов.

В этой подборке мы предлагаем три статьи, освещающие актуальность темы депортации в наши дни для некоторых «наказанных народов» (Некрич 1978), в данном случае калмыков и чеченцев. Рассматривается и ситуация в Дагестане, где помимо репрессий по отношению к интеллигенции, священникам, аристократии, как и по всей стране, появились дополнительные страхи и опасения по поводу возможной тотальной депортации по примеру соседних кавказских республик. Язык описания – это не только тезаурус, но и сфера исследований и мифов, которые неизбежно появляются там, где нет ясных ответов на сложные вопросы. Вошедшие в данный тематический номер исследования проблематизируют вопрос позиционирования жертв и репрессивной власти в темпоральной перспективе. Авторы фокусируют внимание и на том, как современный язык влияет на описание давно прошедшего события, и, наоборот, на том, как язык описания административно-правовых органов или непосредственных жертв репрессий используется для объяснения и понимания событий, имевших место гораздо позже, переключаясь на язык описания следующих поколений.

В этой статье мы остановимся на нескольких пунктах, которые, как нам показалось, необходимо выделить. В современной антропологии принято придавать особое значение языку описания, «который используют те, с кем мы работаем, и рассматривать его как элемент анализа, совершенно необходимый для понимания той культурной действительности, в которой и которой живут люди, доверяющие исследователям свои истории» (см. статью В.А. Танайловой в данной рубрике). Однако здесь надо иметь в виду, что те, с кем мы работаем, зачастую воспроизводят язык власти, поэтому возникает необходимость деконструкции

языка жертв, чтобы понять в какой ее части мы имеем дело с усвоенным языком власти. С другой стороны, если на исследователей-полевиков, может повлиять язык их информантов и тем самым проникнуть в научный дискурс через их работы, то историкам еще сложнее не попасть в «капкан политически ангажированной терминологии», поскольку им приходится работать в архивах и, соответственно, воспроизводить терминологию документа. В такой ситуации сложно ориентироваться в выборе рабочего языка для понимания различных кейсов, особенно для случаев, которые не имеют однозначной международной политической оценки (в отличие от Холокоста). Поэтому неудивительно, что часто возникают «конкурирующие» травматические нарративы, претендующие на «метанарратив», с учетом мобилизационных возможностей коллективных травм (Шагоян 2016а, 2016б, 2021). Однако, как показал Майкл Ротберг, разные кейсы травматической памяти могут не конкурировать, а, наоборот, помочь друг другу в выработке инструментария проработки такой памяти (Rothberg 2009); этот подход автор определяет как многовекторный (*multidirectional memory*), когда одна травма может повлиять на определение и языки описания других. В случае советских депортаций, к сожалению, возможности многовекторного подхода пока не просматриваются, и обсуждения больше проходят в поле «конкурирующей памяти». В редких примерах «многовекторности», как в случае с Дагестаном, описанных Тахнаевой, речь идет, скорее, о заимствовании депортационного (жертвенного) дискурса для оправдания своей невольной вовлеченности в историю выселения соседних народов.

Из всего терминологического аппарата «геноцид» становится самым привлекательным для описания этнополитических преследований, видимо, по причине международных правовых последствий, имевших место после Холокоста.

Однако само понятие «геноцид» является предметом больших дискуссий геноцидологов, где мнения и подходы о том, как его можно квалифицировать, варьируют от «демонстрации намерения истребить весь конкретный народ-жертву, в то время как для других ученых достаточно намерения уничтожить часть народа-жертвы» (Charny 1999: 4). Некоторые геноцидологи определяют геноцид как любые «массовые убийства, когда жертвы не вооружены и не участвуют в военной борьбе с преступником» (Drost 1959), а И. Чарни в группу «жертва» включает любое массовое убийство «без логически определяемых характеристик» принадлежности к одной группе (Charny 1999: 4). Но резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 9 декабря 1948 г. термин «геноцид» вошел в название конвенции (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него), по определению Рафаэля Лемкина, который предложил такой термин еще в 1944 г., в качестве прецедента имея в виду массовые убийства и депортации армян Османской империи.

Но определение Лемкина до сих вызывает разночтения как у юристов, так и у политиков, поскольку многие из использованных им понятий требуют дополнительного пояснения; это такие, например, как «группа жертвы» (частые споры о количестве), «разрушать» (дискуссии вокруг того, какие именно действия надо включать в такое понятие), «в целом» и «частично» (на какие параметры опираться и т.д.). Исследователи регулярно сталкиваются с тем, что их собеседники из пострадавших групп обыденным языком описывают то, что юристы выделяли в определении геноцида как отдельные признаки или разновидности геноцидов («культурный геноцид», «этноцид», «партицид» и т.д.): «Мы не думаем, что нас хотели уничтожить физически, как людей. Нас хотели уничтожить культурно, как чеченцев. Это же и есть самое настоящее разрушение народа, отрыв его от родной земли, от дома, от могил предков, от культурного очага. Думалось, что мы перестанем существовать как чеченский народ, “разрушимся”, но этого не произошло» (см. статью В.А. Танайловой). Также калмыки более всего опасались рассеяния (калм. «таррах») в силу особо дисперсного расселения в Сибири, подспудно понимая, что оно угрожает размыванию идентичности, разрушению родственных связей и отходу от родного языка.

Не углубляясь в юридическую полемику относительно понятия «геноцид», мы попробовали очертить лишь небольшой контур этих дискуссий, чтобы показать, как понятие из научного словаря может переключаться в юридический, а потом стать определяющим для публичных нарративов и нациестроительного дискурса. Поэтому дискуссии, основанные на эмпирических описаниях, в том числе на восприятиях фактов такого коллективного насилия, как депортация, особенно с позиции самих депортированных, может стать важным вкладом не только для уточнения строго исследовательского тезауруса, но и проработки травматической памяти.

Насколько оправданы такие ожидания, в каких случаях прежние преступления становятся предметом коллективной проработки травмы или объектом политических манипуляций – сложно судить, однозначного ответа здесь не может быть. Некоторые из приведенных кейсов могут служить иллюстрацией для отдельных положений. Например, у чеченцев первая оценка чеченской депортации как геноцида появляется в публичном поле по инициативе чеченской диаспоры в Казахстане (см. статью В.А. Танайловой), что позволяет рассматривать эту инициативу как попытку влияния чеченской диаспоры на нациестроительство Чечни (ср.: Хрох 2002).

В предложенных статьях авторы вынуждены придерживаться того политического словаря, который существует на сегодняшний день. Например, в назывании первой и второй чеченских войн В.А. Танайлова использует тот политический язык, который определяет эти военные

действия как «мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Из указа Б.Н. Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» мы видим, насколько язык исследователя может быть скован политической конъюнктурой, навязывающей свои формулировки для описания действий на земле, которые его другие участники будут определять в своих терминах и пересказывать на понятном им языке (Указ Президента... 1994). В политическом словаре властей появляются новые определения военных действий: контртеррористическая операция, спецоперация, борьба с терроризмом, крупномасштабная военная операция и т.д. То, что для властей является мерами «восстановления конституционного порядка» для жителей на земле имеет одно название – «война». На повседневном уровне им приходится выживать в небезопасных условиях военного быта, и потому юридические и политические определения для них в этот момент не столь актуальны, а язык описания формируется в соответствии с предыдущим опытом и представлениями о военных действиях или военном положении.

Не забывая об инструментальной силе коллективной памяти, когда травма не проработана и продолжает влиять на настоящее и будущее, становится неким метанарративом, определяющим групповую идентичность, стоит учесть и возможность возникновения неожиданных аналогий с историческим опытом безотносительно к травматической памяти. Поскольку наличие одной исторической трагедии не исключает возможность новой с теми же акторами, даже если первая травма каким-то образом преодолена (забыта, проработана). Такое развитие более чем вероятно, и потому отсылка к предыдущей трагедии необязательно метафорическая, а может исходить из вполне прагматических и рациональных расчетов. Ведь маловероятно, что проблемы недавнего прошлого были окончательно решены депортацией и войной. Они, скорее всего, усугубили эти проблемы и сложности во взаимоотношениях или задвинули их с плана публичных обсуждений в *backstage*, не исключая возможность в какой-то момент их появления на сцене (см.: Кукулин, Майофис, Четверикова 2022: 85–88). Это хорошо отражается в языке описания, когда не терминология первой травмы влияет на последующую, а наоборот, политическим словарем, сформировавшимся во время последующей травмы, описывают события первой. Танайлова приводит пример того, как терминология постсоветских чеченских войн используется для описания депортации 1944 г. (ср. «зачистки»). Также в Армении при описании геноцида 1915 г. в Османской империи многие из наших собеседников использовали клише из языка медийных репрезентаций Великой Отечественной войны (например, «вероломное нападение» и др.).

Президент организации Genocide Watch Грегори Стантон в качестве одной из обязательных стадий геноцида указывает дегуманизацию, когда преследуемая группа сравнивается с животными, паразитами, насекомыми или болезнями. Такие ассоциации призваны «преодолеть нормальное человеческое отвращение к убийству» (Stanton 1996) и, добавим от себя, также к насилию и политической дискриминации. В случае с советской депортацией к дегуманизации можно добавить еще и инфантилизацию жертв, которая предполагает отсутствие их субъектности, возможности принятия самостоятельных решений. Стоит отметить, что инфантилизация как прием более присуща власти на местах принятия высленцев, где они оказываются в особо уязвимой позиции.

Однако сравнение с животными встречается в языке и самих репрессированных, но это не усвоенный язык дегуманизации, а, скорее, метафоричный язык скотоводческого народа, где «зоологический» код является одним из часто используемых в фольклоре поэтических троп. В работе Э.-Б.М. Гучиновой, показывается, как песенный фольклор калмыков отражает потерю субъектности спецпереселенцев через образы, связанные с миром животных, а кодированный язык исполнителей операции по выселению калмыков «Улусы» называет людей «товаром на погрузку». Дегуманизация жертв сочетается с интенцией убедить солдат, участников операции, в виновности депортируемых, в насаждении неприятия и маркировки их как социально неблагонадежной группы.

Слухи нередко становятся предметом исследования антропологов. С легкой руки Марка Блока слухи стали отдельным объектом социального исследования, где проблематизируется не степень их достоверности, а причины, по которым тот или иной сюжет получает распространение. Однако для того чтобы понять, какая часть распространяемых нарративов на какой социальный запрос отвечает, приходится разбирать и то, что послужило основой для дыма, который не бывает без огня. Для развенчания социальных мифов историкам и антропологам приходится заниматься самым тщательным историческим, архивным и текстологическим анализом, как, например, обычно поступает ставший классиком устной истории Алессандро Портелли (2005). Именно такой подход берет на вооружение П. Тахнаева, которая пытается разобраться с отдельными сюжетами распространенного в Дагестане нарратива «о спасении от возможной депортации благодаря героическому поведению местного руководства». Позиция Тахнаевой, кроме исследовательской смелости, отстаивающей версию, идущую вразрез с распространенным нарративом, привлекает отсутствием всякого предубеждения или невнимания к каждому отдельному звену сюжета. Исследователь по ходу сопоставления с архивными данными выясняет, какие элементы распространенного нарратива нереальны хотя бы по факту хронологического несовпадения описываемых событий, а какие не исключались в силу их опосредованного свидетельства. Как,

например, в случае интриг Багирова, который пытался расширить границы Азербайджана за счет Дагестана, причем необязательно ценой депортации. Кстати, в случае депортации армян 1949 г. (см.: Харатян 2020) Багиров во многих дискуссиях также указывается как «податель идеи армянской депортации» с надеждой свести статус национальной республики до автономной.

История и антропология массовых депортаций в СССР имеет свой круг исследователей, сложившийся за последние три десятилетия. Исследователи депортаций, как правило, изучают один (свой) народ и за рамки этого поля не выходят, сравнительные исследования в этой области так и не появились. В научных публикациях об этом периоде сегодня применяются в основном термины из словаря власти (юридический и административный языки), благодаря полевым материалам туда иногда попадают определения из словаря пострадавших (восприятие и оценка собственного статуса и степени субъектности), и вся эта терминология довольно избирательно, проходя через фильтры профессиональных предпочтений, проникает в тезаурус исследователя, претендующего на нейтральность и объективность.

Список источников

- Кукулин И., Майофис М., Четверикова М. Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 81–101. URL: https://www.nlo-books.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/174_nlo_2_2022/
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Некрич А.Н. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроникам, 1978.
- Портелли А. Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ // Новое литературное обозрение. 2005. № 40-41 (2-3). С. 243–251.
- Указ Президента Российской Федерации от 09.12.1994 г. № 2166. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312>
- Харатян Г. Выселение армян «навечно» 1949 года. Анализ и архивные документы (к 70-летию этнической депортации армян). Ереван: Изд-во ИАЭ, 2020.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти. К 101-летней годовщине армянского геноцида: тема без «исторических уроков»? // Гефтер. 25/04/2016а. URL: <http://gefter.ru/archive/18335>
- Шагоян Г.А. Конкурирующая память: мемориализация сюжетов коллективной травмы // Депортация армян 14 июня 1949 года: сб. док. и материалов / отв. ред. Н.Н. Аблажей, Г. Харатян. Новосибирск: Наука, 2016б. С. 216–223.
- Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 73–98.
- Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020.
- Charny I.W. Encyclopedia of Genocide. Vol. I. Santa Barbara: ARC-CLIO, 1999.

- Drost P.N. The Crime of State: Penal Protection for Fundamental Freedoms of Persons and Peoples. Vol. I: Humanicide; Vol. II: Genocide. Leyden: A.W. Sijthoff, 1959.
- Rothberg M. Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford University Press, 2009.
- Stanton G.H. The Ten Stages of Genocide // Genocide Watch. 1996. URL: archive.ph/FQK5A#selection-355.0-1227.1

References

- Charny I.W. (1999) *Encyclopedia of Genocide*. Vol. I. Santa Barbara: ARC-CLIO.
- Drost P.N. (1959) *The Crime of State: Penal Protection for Fundamental Freedoms of Persons and Peoples*, Vol. I: Humanicide; Vol. II: Genocide, Leyden: A.W. Sijthoff.
- Epplé N. (2020) *Neudobnoye proshloye: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: the Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLO.
- Kharatian G. (2020) *Vyselenie armian «navechno» 1949 goda. Analiz i arkhivnye dokumenty (k 70-letiiu etnicheskoy deportatsii armian)* [Eviction of Armenians “Forever” in 1949. Analysis and Archival Documents (to the 70th Anniversary of the Ethnic Deportation of Armenians)]. Yerevan: Izd. IAE.
- Khrokh M. (2002) Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'iu sformirovavsheysia natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Yevrope [From National Movements to a Fully Formed Nation, the Nation Building Process in Europe] In: *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], eds.: B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh and others. Moscow: Praxis, pp. 121–145.
- Kukulin I., Mayofis M., Chetverikova M. (2022) Kuluarnye improvizatsii: sotsial'naia kooperatsiia, obkhod pravil i protsessy kul'turnogo proizvodstva v pozdnem SSSR [Backstage Improvisations: Social Cooperation, Circumvention of Rules and Processes of Cultural Production in the Late USSR]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no 174, pp. 81–101, Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/174_nlo_2_2022/
- Malinova O.Yu. (2015) *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuiushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [Actual Past]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Nekrich A.N. (1978) *Nakazannyye narody* [Punished Nations], New York: Khronikam.
- Portelli A. (2005) Massovaya kazn' v Ardeatinskikh peshcherakh: istoriya, mif, ritual, simbol [Mass Execution in the Ardeatine Caves: History, Myth, Ritual, Symbol]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40-41(2-3), pp. 243–251.
- Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*, Stanford University Press.
- Shagoian G.H. (2016) Armianskii genotsid kak metanarrativ travmaticheskoi pamiati [The Armenian Genocide as a Master-narrative of Traumatic Memory]. *Gefter*, 25.04.2016. Available at: <http://gefter.ru/archive/18335>
- Shagoian G.H. (2016) Konkuriuiushchaya pamiat': memorializatsiia siuzhetov kolektivnoi travmy [Competing memories: the memorialization of plots of collective trauma]. In: *Deportatsiia armian 14 iyunia 1949 goda: sbornik dokumentov i materialov* [Deportation of Armenians on June 14, 1949: collection of documents and materials]. ed. by N.N. Ablazhe, G. Kharatian. Novosibirsk: Nauka, pp. 216–223.
- Shagoyan G.A. (2021) Kul'turnaya vs kolektivnaya travma: memorializatsiya sovetских repressiy v postsovetской Armenii po modeli pamyati o genotside [Cultural vs. Collective Trauma: The Memorialization of Soviet Repression in Post-Soviet Armenia Modeled on Genocide Remembrance]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*, no 2, pp. 73–98.
- Stanton G.H. (1996) The Ten Stages of Genocide. In: *Genocide Watch*. Available at: archive.ph/FQK5A#selection-355.0-1227.1

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.12.1994, No. 2166№ 2166 [Decree of the President of the Russian Federation dated 09.12.1994, No. 2166№ 2166]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312>

Сведения об авторах:

ШАГОЯН Гаяне Арутюновна – ведущий научный сотрудник, отдел антропологии современности, руководитель Центра устной истории, Институт археологии и этнографии НАН РА (Ереван, Россия). ORCID:0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gayane A. Shagoyan, Institute of Archeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences (Erevan, Armenia). ORCID:0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

Elza-Bair M. Guchinova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*